

ИЗБА, ДОМ, ОСОБНЯК В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Вот моя деревня; Вот мой дом родной...

И.З. Суриков.

Блестит великолепный дом...

А.С. Пушкин

Русская литература от своего зарождения до конца XVIII века чуралась описания быта, обыденной жизни. Но вот пришёл Г.Р. Державин и открыл художественности двери частного дома. Опустим хрестоматийные строки оды «Фелица» и процитируем обращение к графу И.И. Шувалову в стихах, названных «Приглашение к обеду»:

Приди, мой благодетель давний, Творец чрез двадцать лет добра! Приди, и дом, хоть не нарядный, Без резьбы, злата и серебра,

Мой посети; его богатство — Приятный только вкус, опрятство И твердый мой нельстивый нрав...

(1795)

Дом, о котором идет речь, сохранился и поныне как музеймемориал в Петербурге на набережной Фонтанки, 118. Лукавит поэт, говоря о своём скромном обиходе. Это дом-дворец, «тип барского полузагородного особняка», который он приобрел в 1791 году. Кстати, здесь проходили заседания «Беседы любителей русского слова», здесь бывали Фонвизин, Карамзин, Капнист, Дмитриев и другие крупные писатели XVIII века. Широко развёрнутое описание жизни в усадебном помещичьем доме Державин представил в послании «Евгению. Жизнь Званская» (1807). Едва ли не центральное событие дня в имении — обед, который делил день на две половины:

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут; Идёт за трапезу гостей хозяйка с хором. Я озреваю стол — и вижу разных блюд Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелёны щи с желтком, Румяно-жёлт пирог, сыр белый, раки красны, Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером Там щука пёстрая прекрасны!

Эти знаменитые строки, спустившие поэзию с героических и

метафизических небес на грешную землю потом подхватит Пушкин: «Пред ним roast-beef окровавленный...» в I главе «Евгения Онегина».

Начало мотиву дома было положено. На протяжении XIX– XX веков слово «дом» и в поэзии, и в прозе встречается с неизменным постоянством. Причин две. Материальный, вещно-предметный мир начинает осознаваться как «сцепленный с человеческой душой». И дом теперь — хранитель памяти о предках, условие существования человека, знак его укоренённости во времени, пространстве и социуме. Именно в эту же пору первой трети XIX века реализм вводит в литературу описание обиходных мелочей. Художественность вбирает в себя реальность, реальность развивается и осознает себя средствами художественности.

Чтобы упорядочить рассмотрение этого сущностного и сквозного мотива, я взял за основу принцип хронотопа, где время определяется жизнью и творчеством писателя, а пространство — местоположением дома. Таких местоположений два: деревня, где

бок о бок существуют крестьянская изба и помещичье имение, и город, где главное различие — доходный дом и особняк.

** *

Кажется, ранее всего крестьянская изба рассматривается А.Н. Радищевым в его трактате «Путешествие из Петербурга в Москву». В главе «Пешки» путник заходит в крестьянскую избу, и вот что он там видит: «Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы.<...> Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажеею, пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; Печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимой и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастливая изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!); Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на укус похожим, и на дворе баня, в коей если не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучи с лаптями для выхода».

Интересный комментарий даёт к этой зарисовке А.С. Пушкин в

«Путешествии из Москвы в Петербург». «В «Пешках» (на станции ныне уничтоженной) Радищев съел кусок говядины и выпил чашку кофею. Он пользуется сим случаем, дабы упомянуть о несчастных африканских невольниках и тужит о судьбе русского крестьянства, не употребляющего сахара. Всё это было тогдашним модным краснословием...» Приводя радищевское описание избы, Пушкин продолжает: «Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга (австрийский дипломат был в России в 1661–1662 гг.). Изба, мельница, забор — даже эта ёлка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стёкла заменили натянутый пузырь; вообще больше чистоты, удобства... Очевидно, что Радищев начертил карикатуру, Но он упоминает о бане и квасе как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствий сей чертою: *и начала сажать хлебы в печь*».

Пушкин весьма критически оценил книгу Радищева. В описании крестьянской избы он увидел несообразности.

После Радищева и практически до Н.В. Гоголя крестьянская изба не появляется в русской классической литературе. Автор «Мёртвых душ» о себе написал, что он «любит быть чрезвычайно обстоятельным во всём». Но если помещичьи дома и их интерьеры в поэме действительно представлены обстоятельно, то крестьянские нарисованы, не мудрствуя лукаво, одним взмахом кисти. Серенькие бревенчатые избы в деревне у Манилова, крепкие избёнки у Коробочки, срубленные на диво, упористо, без пошатки, в крепком и неуклонном порядке у Собакевича и ветхие, тёмного бревна с крышами, сквозящими как решето, у Плюшкина. Понятно, что Чичиков в крестьянскую избу не заглядывает, а беглый взгляд на деревню — это предварительная оценка состояния помещика и часть его предметно-вещной и реестровой характеристики. Но в неё не заглядывает и Гоголь.

Зато И.С. Тургенев в «Записках охотника» достаточно внимательно «осмотрит» некоторые крестьянские жилища. Удручающую картину, подстать Радищеву, рисует он в рассказе «Бирюк». «Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружьё, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печи... Я посмотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в

мужицкую избу».

Но изба избе — рознь. «Ни одна суздальская картинка не залепляла чистых брёвен стен; в углу, перед тяжёлым образом в серебряном окладе, теплилась лампада; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между брёвнами и по косякам окон не скиталось резвых пруссаков, не скрывалось задумчивых тараканов». Это изба Хоря, дельца и прагматика, человека строгой души. Иначе в деревне Босово, что в поэме Н.А. Некрасова, поступил Ефим Нагой, созерцатель с поэтической душой.

С ним случай был: картиночек Он сыну накопил, Развешал их по стеночкам И сам не меньше мальчика Любил на них глядеть.

В горящей избе спасает он не «целковики», а лубочные картиночки. Две избы — два хозяина. Отмечу один парадоксальный факт. Ратуя за «счастье народное», русская литература художественно исследовала главным образом жизнь дворянскую, помещичью. Одна книга Тургенева, да деревенские мотивы в стихотворении Некрасова — вот главные *прямые* изобразительные обращения к «мысли народной». В самом конце века в нескольких произведениях над ней задумаются А.П. Чехов и И.А. Бунин.

Несколько иначе обстоит дело с домами помещиков. И в деревне, и в провинциальном городке в них много общего. «Русская деревня и в своём помещичьем варианте, — писал Г.А. Гуковский, — это Русь, такая, какая есть, далёкая от идеалов свобододолюбцев, но подлинная, реальная». «Помещичий вариант» достаточно подробно (для жанра романа в стихах) представлен в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина:

Господский дом уединенный Горой от ветров огражденный, Стоял над речкою.
Вдали Пред ним пестрели и цвели Луга и нивы золотые, Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,

И сени расширял густые Огромный, запущенный сад, Приют задумчивых дриад.

Господский дом «вписан» в идиллический, с намёком на античность, пейзаж. Это едва ли не автоцитата первой части стихотворения «Деревня». Реальный прообраз один и тот же — сельцо Михайловское. Пейзаж-панорама сменяется крупным планом, в первом стихе которого слышится авторская ирония:

Почтенный замок был построен, Как замки строиться должны: Отменно прочен и спокоен Во вкусе умной старины.

Везде высокие покои, В гостиной штофные обои, Царей портреты на стенах И печи в пёстрых изразцах...

Это гостиная, в которой хозяева не жили, и она открывалась в дни приезда гостей, в особо торжественных случаях. «Покой» где поселился Онегин — это барский кабинет.

Здесь почивал он, кофей кушал, Приказчика доклады слушал И книжку поутру читал... Здесь

Всё было просто, пол дубовый, Два шкафа, стол, диван пуховый, Нигде ни капельки чернил...

Среди других художественных деталей Пушкин назовёт бильярдный стол и манежный хлыстик на смятом канапе, кровать покрытую ковром, стол с померкшею лампадой... А знаковыми, как теперь говорят, будут «лорда Байрона портрет, / И столбик с куклою чугуной...» Портрет и статуэтка Наполеона, названная иронически, свидетельствуют о стремлении Онегина ощущать себя «русским европейцем». И пейзаж-портрет и интерьер дома освещены «лирическим светом авторского отношения». Да это и понятно, так как в 4-ой песне «Онегина» Пушкин изобразил свою жизнь. Об этом он писал П.А. Вяземскому.

** *

«Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом — чрезвычайно распространённое место свершения романских событий в XIX веке», — пишет М.М. Бахтин. И хотя его исходные размышления соотносятся с романом Флобера «Мадам Бовари», он обращается и к русской литературе. «Такой городок — место циклического бытования времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бытования». Время лишено здесь поступательного исторического хода...»

Дом в таком городке описывает Пушкин в юношеской поэме 1815 г. «Городок»; а в 1836–1838 годах М.Ю. Лермонтов в стихотворной повести «Тамбовская казначейша».

Давно был дом его построен; Хотя невзрачен, но спокоен; Меж двух облепленных колонн Держался кое-как балкон.

На кровле треснувшие доски Зелёным мохом поросли; Зато пред окнами цвели Четыре стриженных берёзки Взамен гардин и пышных стор Невинной роскоши убор.

Для архитектуры помещичьего дома в провинциальном городке, да и в имении, были типичны четыре колонны. Иногда это были просто обтесанные и крашеные стволы деревьев. Балкон не обязательно свидетельствует о втором этаже здания. В старину балконом называлось висячее крыльцо, вход в дом.

Дом господина Бобковского «против гостиницы Московской», следовательно, в центре города. А это, в свою очередь, свидетельствует о статусе хозяина. В самом конце XIX века А.П. Чехов поселит семью Туркиных «на главной улице, возле губернатора, в собственном доме».

Художественная оригинальность Н.В. Гоголя в создании череды образов помещиков в поэме «Мёртвые души» рассматривалась неоднократно. Не вдаваясь в подробности, позволю себе несколько замечаний. Все деловые встречи и «негоции» происходят в замкнутом пространстве дома помещика. Дом отделяет человека от естественной жизни природы и эту жизнь искажает. Не человек здесь владеет домом, а дом человеком. Дом помещика у Гоголя «многопредметен». Такое впечатление, что вещи и предметы в доме и его окружении несдвигаемы, как книжка с закладкою на четырнадцатой странице у Манилова, как ликёрчик, в который козявки и всякая дрянь напичкались у Плюшкина, да сам дом его «глядит» «каким-то дряхлым инвалидом».

У Н. Гумилева есть строка: «Дурно пахнут мёртвые слова». Ещё хуже пахнут мёртвые дома. Брошенные, необитаемые, они наводят тоску, чувство незавершённой жизни. Дома связаны с внешним устройством жизни, но отражают внутренний мир их обитателей, а иногда и сущность предназначения человека. У каждого дома два «нутра». Одно — его обстановка, уют или неуют, главные предметы и вещи, его наполняющие. Второе — «внутренняя жизнь»: нравы, взаимоотношения, поступки его обитателей.

Вот типичный дом в рассказе И.С. Тургенева «Два помещика» «...дом у него старинной постройки: в передней, как следует, пахнет квасом, сальными свечами и кожей; тут же направо буфет с трубками и утиральниками; в столовой фамильные портреты, мухи, большой горшок ерани и кислые фортепьяны; в гостиной три дивана, три стола, два зеркала и сильные часы, с почерневшей эмалью и бронзовыми, резными стрелками;

в кабинете стол с бумагами, ширмы синеватого цвета с наклеенными картинками... шкафы с вонючими книгам ,пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно и наглухо заколоченная дверь в сад... Словом, всё как водится».

Согласитесь, что жить в доме Мардария Аполлоныча Стегунова не хочется. Слишком тосклива эта перечислительная интонация в описании. Не случайно же в финале рассказа звучит знаменитое «чюки-чюк»: «шалунишку» Васю-буфетчика наказывают.

Нравы и причуды обитателей господского дома, как правило, известны его окружению и в деревне, и в провинциальном городке. Любовь и смерть, адюльтер и капуста на грядках, зуб со свистом, Пава или Фетинья в услужении... Или вот мастер распускать фальшивые слухи Захар. Когда его спрашивали у ворот о барине, отвечал: «Нарезался... Один выпил полторы бутылки мадеры, два штофа квасу...»

Что такое господский дом в деревне? Это нередко «хоромы, окруженные разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и управляющих, цветочными оранжереями, качелями для народа и другими, более или менее полезными зданиями». (И.С.Тургенев, «Малиновая вода»). Так ведь и старомосковская усадьба мало чем отличалась от имения в деревне.

Крестьяне, герои «Записок охотника», живут в единении с природой, поэтому дом для них второстепенен. Тургенев не уделяет большого внимания описанию их изб, а где они встречаются, там художественная детализация не освещается лирическим светом. Тургеневу гораздо важнее раскрыть психологическую неповторимость своего героя. А.И. Герцен пишет: «Никогда ещё внутренняя жизнь помещичьего дома не подвергалась такому всеобщему осмеянию, не вызывала такого отвращения и ненависти. При этом надо отметить, что Тургенев никогда не сгущает краски, не употребляет энергичных выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необыкновенно усиливает впечатление от этого поэтически написанного акта против крепостничества». Но это одна сторона тургеневской книги. Представляется, что главный её нерв более тонко и глубоко обозначил Ф.И. Тютчев: «Сочувствие к человечеству». И это подтверждается: из двадцати пяти рассказов «Записок охотника» только три вызывают чувство

негодования. Остальные — сострадания.

Историк А.А. Зимин определил крестьянский и дворянский миры как две *цивилизации*, разительно расходящиеся между собой. Это расхождение сказывалось не только в культуре — фольклорной и книжной в своей основе, — не только в образе жизни, но и в жилище. Однако *идея дома*, одна из сквозных тем в литературе и XIX, и XX века, единит жизнь двух основных сословий. Это особенно заметно, когда барин и его дворовый человек поселяются в городе.

** *

«В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире Илья Ильич Обломов». Открывая этой фразой свой роман, И.А.Гончаров не считает нужным сообщить, что Гороховая улица — в Петербурге.

Гороховая улица — срединная. От неё недалеко и до аристократических Большой и Малой Морских, и до простонародной Коломны. А герою предстоит переезд. В этом внешняя интрига романа. Стремление же к крайностям — в натуре русского человека, не любит он золотой середины.

Большой жилой дом именовался в Петербурге *доходным*. Его подробное описание оставил Н.Г.Помяловский в повести «Молотов» (1861). В таком доме можно было жить «от себя», то есть нанимать квартиру у домовладельца. Так живет Обломов. «Недостаточные» обитатели снимали угол, комнату, каморку «от жильцов», то есть от семьи, которая сдавала в нём часть своей квартиры. Так живут Раскольников, Соня.

В романе Гончарова в первый раз находим описание не дома, а городской квартиры, точнее, комнаты в ней. Главный предмет этой комнаты — диван Ильи Ильича. Нынче этому дивану в Самаре поставлен памятник.

«Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною. Там стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шёлковой материею, красивые ширмы с вышитыми небывалыми птицами и плодами. Были там шёлковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор и множество красивых мелочей».

Если у Гоголя вещно-предметная детализация в описании дома помещика вписывается в его натуру, то у Гончарова «идея комнаты» совершенно другая. Дело в том, что автор «Обломова» ставит некий умозрительный знак равенства между Россией и Востоком. Обломов и олицетворяет в романе это восточное начало, свойственное России и отличающее её от Запада. Описание комнаты служит этой идее романа. Действительно, красное дерево, шёлк, диваны, фарфор — всё это пришло к нам с Востока. Апофеозом этой «восточной идеи» является *халат*. « На нём был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу...» Азиатский покрой и яркость восточной окраски усиливают этот уникальный «образ», задающий вместе с восточным интерьером комнаты идею романа.

Россия вобрала в себя черты быта и бытия и восточной, и западной цивилизации. Её культура, менталитет этноса бинарны. Крестьянство и дворянство, город и деревня, ум и дурость, бунт и смирение, деловитость и созерцательность, нищета и богатство, православие и язычество — это всё Россия. Именно поэтому в романе Гончарова оказались рядом Обломов и Штольц, а между ними Ольга Ильинская — образ, намекающий (только намекающий!) на ситуацию выбора, стоящего перед Россией середины XIX века.

Оставаясь в своей экзистенциальности Востоком, она, Россия, выбирает Запад. И в этот момент явятся на нашем историческом пути «новые люди», разночинцы, демократы. Главный разночинец русской литературы, доводящий базаровский нигилизм до «крови по совести», — Родион Раскольников. Достоевский поселил его в Коломне, в Столярном, как расшифровала А.Г.Достоевская, переулке. Пространство его обитания даже не комната, а каморка, «которую он нанимал от жильцов». «Каморка его приходилась под самой кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру». Ещё два метафорические сравнения употребил автор, чтобы обрисовать жилище героя. Эта каморка напоминает каюту корабля и гроб. Все три определения указывают на чрезвычайно тесное, ограниченное пространство. Достоевским где-то было отмечено, что замкнутое пространство не порождает у человека больших мыслей, но воспитывает характер созерцателя. Именно в этой каморке Раскольников изложит в статье свою теорию. Но теория, как и комната-гроб, давит героя, поэтому мы часто видим его на улицах и площадях города, где он продолжает обдумывать свою «недоконченную идею».

Созерцатель, «теоретик», он решает стать «деятелем». А это противоречит его натуре, поэтому он обречён априори.

Ещё одна особенность жилищ героев романа «Преступление и наказание» — это их расположение сразу за *порогом*. Так выглядит комната Мармеладова: «Маленькая закоптелая дверь в конце лестницы, на самом верху, была отворена. Огарок освещал беднейшую комнату шагов десять длиной; всю её было видно из сеней...» Порог разделяет старуху-процентщицу и Раскольникова, когда тот пришёл «делать пробу»; на пороге герой сталкивается с Соней, прежде чем попасть в её комнату, которая «походила как будто на сарай, имела вид весьма непривлекательного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое». Один угол был «ужасно острый», другой «уж слишком безобразно тупой». Но пороги и лестницы в романе Достоевского, связанные с состоянием души героя, достойны специального рассмотрения. Комнаты же героев не только подчеркивают их социальное положение, но и определяют их судьбу. Двери комнат часто открыты на лестницу, следовательно, из них легко выйти. Но что же делать, «коли идти больше некуда»? Или сначала надо «мысль разрешить»?

Завершает русскую классику, как мне думается, пьеса А.П. Чехова «Вишнёвый сад». Последний барский дом в нашей литературе опустеет, и натянутая историей струна между прошлым и будущим лопнет. «Бытие, жизнь — это не что иное как совокупность отношений», — писал испанский мыслитель Ортега-и-Гассет. «Совокупность отношений» между крестьянской избой и барским домом примет антагонистический характер — и начнется трагический XX век.

А особняк? А особняков в нашей классике почти нет, разве что особняк «Пиковой дамы». Может быть, это одна из метафизических сторон её народности?